

Формирование нумизматических коллекций государственных музеев в первые годы революции*

Т.В. Рязанцева, Н.П. Рязанцев,
г. Ярославль

Революционные события 1917 г. сыграли очень важную роль в истории российских музеев, вызвали разнообразные тенденции в их развитии. Начался очень быстрый количественный рост музеев и музейных коллекций. По ряду декретов предметы искусства и старины из бывших дворцов, дворянских усадеб, особняков городской буржуазии были объявлены государственной собственностью и пополнили музейные коллекции как существующих, так и вновь образуемых музеев. Были национализированы: только в Москве — 431 и 302 — в Петрограде частные коллекции. Как свидетельствуют документы Наркомпроса, вместе с этими коллекциями в музеи попала и значительная часть нумизматического материала: к 1922 г. Эрмитаж, например, получил 60 тыс. ед. хранения, в том числе 35 тыс. монет. В Ярославском музее коллекция нумизматики составила 14257 единиц хранения, то есть выросла за годы революции на 10 тысяч единиц¹.

Рост нумизматических коллекций в музеях происходил в эти годы по самым разным причинам, например, в связи с ликвидацией антикварной торговли. Уже летом 1919 г. Музейный отдел Народного Комиссариата просвещения создал специальную комиссию по обследованию антикварных магазинов Москвы на предмет выявления в них ценных предметов старины. В первый список комиссии вошли 16 антикварных магазинов, из которых в музеи было передано 22 тыс. предметов старины, в том числе и много монет².

Еще один поток поступлений был связан с национализацией банков. Специалистами Музейного отдела была проведена экспертиза того, что хранилось в банковских сейфах и ломбардах. В 1919 г. из Симбирского отделения Народного банка в центральные музеи передали 24 ящика изделий из драгметаллов, в том числе и старинные монеты. В бывшем Московском Соединенном банке работу по выявлению художественных ценностей для музеев осуществляли сотрудники Музейного отдела И.Э Грабарь и Н.С. Сергеев³.

Нередко музеи получали крупные партии монет в составе конфискованного чрезвычайными комиссиями имущества. Так в Ярославле губернской ЧК была конфискована коллекция А.Д. Максимова, которую он собирал более тридцати лет. Кимрская уездная ЧК Тверской губернии передала в местный музей 186 старинных серебряных монет. Каширский музей Тульской губернии вообще был обязан своим рождением действиям местной ЧК, которая взяла на себя вывоз старинных вещей из дворянских усадеб и затем передала их в музей. А Вологодский музей в 1919 г. сам сделал запрос в губернскую чрез-

вычайную комиссию с просьбой передать старинные монеты, скопившиеся в ЧК, для пополнения фондов музея⁴.

Но нередкими были и случаи добровольной передачи монет в музеи. Так при организации в 1919 г. Великосельского народного музея искусства и старины в Ярославской губернии жители села пожертвовали будущему музею около 300 монет, в том числе и золотых. Среди них было около 200 монет-мордовок, 75 русских серебряных монет 1760-х годов и несколько десятков пул. В качестве дарителей монет архивные документы называют жителей села Великого Н.С. Юрину, Е.Н. Дубровину, Б. Моругина, А. Ильчева, А. Засовина и других.

Накануне открытия музея в него поступила коллекция монет и медалей еще одного жителя села А.Н. Ведерникова-Корсакова, в составе которой было более ста русских и иностранных монет, медали, жетоны и другие вещи⁵. Возможно, что побудительным мотивом к передаче коллекции послужил обыск в доме у Н.И. Ведерникова, в результате которого по решению районного суда было изъято большое количество продовольствия, золотые и серебряные вещи, а также золотые монеты царской чеканки в 5 и 10 рублей⁶. После этого А.Н. Ведерников-Корсаков попытался получить у властей охранную грамоту на свою коллекцию, сделать этого, вероятно, не смог и счел за благо передать коллекцию в открывавшийся музей. Впоследствии все эти нумизматические материалы поступили в Ярославский исторический музей. Еще одним примером добровольных пожертвований в музеи может служить передача в 1925 году в Калужский музей местными жителями клада из 732 монет XV—XVI вв.

Таким образом самыми разными и порой весьма необычными путями ста-ринные монеты попадали в музеи. Среди тех, кто способствовал этому процессу, архивные документы называют и исполнкомы разных уровней, и чрезвычайные комиссии, и политотделы воинских частей, и частных лиц. Все эти поступления привели к тому, что коллекции нумизматики во многих музеях занимали очень заметное место и превосходили по числу единиц хранения многие другие сокровища.

Одновременно с этой тенденцией существовала и другая — прямо противоположная — многие предметы нумизматики исчезали из музеев и нередко уходили за пределы России. Даже принятие декрета о запрещении вывоза предметов старины не остановило этот процесс. По данным комиссии Наркомпроса по контролю за вывозом за границу предметов искусства только за январь-август 1922 г. через границу было пропущено 10 нумизматических коллекций на сумму 47 тыс. рублей дензнаками 1922 г., и такие случаи не были единичными. Известно, что в течение 1918—1920 гг. соответствующие органы выдали свыше 3000 разрешений на вывоз за границу предметов старины, из которых лишь порядка 200 было задержано на границе и возвращено назад. В 1923 г. через границу было пропущено 15129 предметов, а возвращено лишь 146 единиц⁷. Стоит отметить, что таможенный досмотр в то время носил формальный характер. Примечательно, что сохранившиеся в большом количестве акты вывоза предметов старины из дворянских усадеб почти не содержат сведений о нумизматических коллекциях. Вполне вероятно, что бывшие владельцы усадеб, не имея физической возможности взять с собой картины, старинную бронзу, фарфор и т.п.,

*По материалам ГАРФ, ОПИ ГИМ и областных архивов

чаще всего увозили предметы нумизматики. Они были вполне компактными, а стоимость их порой превышала стоимость любой другой коллекции.

Не меньший урон нумизматическим коллекциям наносили кражи из музеев. Так в декабре 1922 г. произошла кража из Псковского музея. Пострадала знаменитая коллекция Плюшкина. Поисками занимались московские следователи. Был арестован заведующий музеем. Из Музейного отдела Наркомпроса для разбирательства выезжал В.А. Городцов⁸. В феврале 1922 г. случилась крупная кража из Ярославского музея, в апреле 1925 г. — хищение из Воронежского музея и т.д. Во всех случаях среди похищенных вещей, как правило, были предметы церковной утвари и старинные монеты. Весьма показательным было хищение из Угличского музея в июле 1923 г. Там злоумышленники подобрали ключи к двум замкам дверей верхнего этажа, а затем взломали дубовую дверь, ведущую в помещение самого музея. Проникнув в музей, они похитили всю коллекцию украшений XVI—XIX вв., часть вещей из коллекции церковной утвари и свыше 30 древнеримских и венецианских монет. Эксперты позже пришли к выводу, что кража носила заказной характер. Действовали люди, хорошо знакомые с антиквариатом. Из разбитых витрин были взяты самые ценные вещи⁹.

Еще в 1978 г. С.Варшавский и Б.Рест в известной книге об Эрмитаже упомянули английского разведчика Сиднея Рейли, который составил для своих агентов в России специальную инструкцию. В ней речь шла об организации хищений предметов старины из российских музеев, в том числе «монет античных, золотых, четкой чеканки». Правда, авторы ошибочно отнесли этот документ к 1918 г. и связали эту деятельность С.Рейли с Р.Локкартром¹⁰. Только в 1992 г. впервые целиком был опубликован документ, который свидетельствовал о том, каким образом известный английский разведчик Сидней Рейли готовился развернуть в СССР в 1925 г. крупную антисоветскую организацию, которая могла существовать на средства, полученные от краж и реализации за границей большого количества музеиных ценностей. «Деньги, — говорил Сидней Рейли сотруднику ОГПУ, которого он принимал за представителя подпольной антисоветской организации, — надо изыскать внутри России. Я говорил уже о своем плане. Он груб и вызовет у Вас вначале презрение и отрицательное, брезгливое к нему отношение... В русских музеях имеется такое количество величайших художественных ценностей, что взять их на сумму даже в сотнях фунтов не должно представить особых затруднений. За границей сбыт их неограниченный». Видимо понимая, что кражи музеиных ценностей из экспозиций сразу же будут замечены, и это поставит подпольную организацию на грань провала, С.Рейли предложил более безопасный, по его мнению, способ изъятия предметов старины: «Я не говорю даже про те ценности, которые выставлены. Их взять труднее. Но в кладовых в упакованном виде лежат еще величайшие шедевры. Вы должны организовать за границу их отправку, я организую сбыт, и очень скоро мы сумеем получить крупные суммы авансом».

Все возражения о рискованности такой операции С.Рейли отверг, подчеркивая, что «надо дело поставить на чисто коммерческих основаниях и посвятить в это дело только очень ограниченное количество лиц»¹¹. Конечно, было бы яв-

ным преувеличением и заблуждением связывать многочисленные кражи из музеев в эти годы с деятельностью подобных подпольных организаций, но сам по себе факт весьма примечателен. Наличие огромного количества ценностей в музеях при весьма слабой системе учета становилось приманкой для разного рода дельцов и приводило к частым кражам, в том числе и предметов нумизматики.

Вполне естественно возникает и вопрос о том, какой ущерб нумизматическим коллекциям музеев нанесли те распродажи музейного имущества, которые весьма интенсивно стали осуществляться государством в 20-е гг. Мы вполне сознательно не касались этого вопроса по следующим обстоятельствам. Во-первых, потому что в последние годы об этом уже достаточно много писали, порой, правда, не всегда компетентно и не совсем объективно¹². Во-вторых, потому что, как свидетельствуют разнообразные источники, массовые распродажи начались все-таки не с 1917 г., а много позднее.

«Антиквариат» — объединение по экспорту и импорту художественных ценностей было создано при Госторге РСФСР в октябре 1925 г. Первые два года работы оно действовало под полным контролем специалистов Музейного отдела Наркомпроса, что являлось определенной гарантией сохранения в российских музеях наиболее ценных произведений искусства. Ссылки некоторых авторов на постановления 1921—1922 гг. об образовании экспортных комиссий Наркомата внешней торговли не вполне обоснованы, так как во всех случаях члены этих комиссий действительно имели право отбора ценностей в магазинах, складах, хранилищах и т.п. «за исключением музеев Республики и хранилищ Государственного Музейного фонда, состоящих в ведении Главмузея». Более того, специалисты Музейного отдела получили право вывоза в музейные хранилища любых отобранных для экспорта вещей. Так было на протяжении всей первой половины 20-х гг. Иная политика, направленная на массовый вывоз предметов старины для продажи за границей, стала возможной только со второй половины 1920-х гг.

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 3. д. 53. л. 11; «Вглядись в минувшее бесстрастно...» Культурная жизнь Ярославского края 20-30-х гг.: Документы и материалы. Ярославль , 1995. С. 252.
2. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Оп. 1. д. 13. л. 5; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. д. 2. л. 133.
3. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. д. 2. л. 1.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р. 1007. Оп. 1. д. 24. л. 113; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 111. Оп. 1. д. 187. л. 109.
5. См.: Рязанцев Н.П. «Спасти живую старицу...» «Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918—1929 гг. Ярославль, 2000. С. 117.
6. ГАЯО. Ф.Р. 168. Оп. 1. д. 10. л. 21.
7. См.: Сидорова Н.Ю. Отношение к памятникам искусства и старины в 1920-е годы // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. Вып. 15. М., 1994. С. 193.
8. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. д. 22. л. 58.
9. См.: Рязанцев Н.П. Общество и власть в деле охраны памятников: по материалам Ярославской губернии. 1918—1943 гг. // Ярославский архив: Историко-краеведческий сборник. М., СПб., 1996. С. 237-238.
10. Варшавский С., Рест Б. Билет на всю вечность: повесть об Эрмитаже. Л., 1978. С. 225-226.
11. См.: Служба безопасности: Новости разведки и контрразведки. 1993. № 2. С. 17-18.
12. См., например, Жуков Ю.Н. Операция «Эрмитаж». Опыт историко-архивного расследования. М., 1993; Эрмитаж, который мы потеряли: Документы 1920—1930 годов. СПб., 2002; и др.